

18+

АВТОР ГОДА

КОЛЛЕГИЯ ПОЭТОВ И ПР

КОНКУРСНЫЙ АЛЬМАНАХ

сборник произведений в
авторской редакции

Эльвира Шабаета
Автор года – 2019

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789142

ISBN 9785449803511

Аннотация

В книге собраны произведения поэзии и малой прозы, предоставленные авторами на конкурс. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

Как появились Луна и Солнце	5
«Зачем брожу я среди кварталов...»	10
Про любовь	11
Простые радости	13
Невозвращенец	15
Весеннее обострение	20
«Люблю тебя. Коротенькая строчка...»	25
Только ты	27
«Он немало врагов нанизал на копьё...»	30
Он был обыкновенный врач...	32
Любимой на Новый год	36
Расставание	37
Возвращение	39
Я приду к тебе	41
«Прохладным ветром я летаю в вышине...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Автор года – 2019

Редактор Эльвира Шабаета

ISBN 978-5-4498-0351-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как появились Луна и Солнце

Это случилось давным-давно, когда не было ни Солнца, ни Луны, ни дня и ни ночи, всё было серое и унылое. Люди ходили грустные, они много работали: пахали землю, сажали семена, ухаживали за растениями, но урожай был очень скудный, не хватало тепла и света. В те давние времена в одной деревне жили брат и сестра.

Сестра была очень красивая девушка, но надменная и самолюбивая. Она только и делала, что любовалась собой в зеркало, расчёсывая свои прекрасные золотистые волосы, и примеряла наряды. А брат был скромный и очень добрый. Он не отказывал никому в помощи и люди тянулись к нему, как к чему-то тёплому и светлому.

Как-то раз, когда брат был на работе, к дому подошла старушка и попросила у девушки воды напиться.

– Уходи отсюда уродливая старуха, – закричала злая красавица на старую женщину, – видишь, некогда мне!

Старушка тяжело вздохнула, пробормотала что-то непонятное и исчезла, как будто её и не бывало. А девушка снова взяла в руки зеркальце и остолбенела от ужаса: от её красоты и молодости не осталось и следа. В это время брат подходил к дому и услышал громкий плач.

– Что случилось, почему ты плачешь? – спросил он, торопливо вбегая в комнату. Сестра подняла голову и повер-

нулась. Брат ужаснулся: на него вместо красавицы-сестры смотрела старая сморщенная старуха.

Старые люди рассказали им, что далеко-далеко за горами и тёмным лесом живёт очень могущественная волшебница, это она наказала девушку за её равнодушное сердце, и только она может снять свои чары. Недолго думая, брат с сестрой собрались в нелёгкий путь.

Долго-долго шли они к замку волшебницы, когда сестра уставала, брат нёс её на руках. И вот перед ними на пути встаёт высокая-высокая гора, упираясь вершиной в самое небо, ни взобраться на эту гору, ни обойти её. Совсем было расстроились брат с сестрой, как вдруг прямо с горы к ним спустился огромный орёл.

– Я перенесу вас через эту гору, – обратился он к брату, но за это ты должен отдать мне всю свою силу, иначе мне не взлететь с вами на такую высоту.

– Отдай скорее ему свою силу, – закричала сестра, – нам нужно быстрее найти волшебницу, я снова хочу стать красивой и молодой. Брат молча кивнул головой, и орёл забрал всю его силу, легко перелетел через высокую гору и опустил своих седоков на землю. Путники отправились дальше, и вот перед ними дремучий лес, куда идти дальше – непонятно. Тут из леса вышел старичок и сказал:

– Знаю, знаю, куда вы идёте, только без моей помощи вам не перейти этот лес, не добраться до замка волшебницы. Я помогу вам, но за это юноша должен отдать мне свою моло-

дось.

– Конечно, он отдаст, – сказала сестра, – веди нас скорее. Старичок посмотрел на брата, и тот снова, как и в первый раз, молча кивнул головой.

– Тогда вперёд, – скомандовал старичок, первый шагнул в дремучий лес. Долго пробирались они сквозь лесную чащу, у брата совсем не осталось сил, но самолюбивая сестра даже не протянула ему руку, чтобы поддержать его, и старичку пришлось отдать ему свою палочку. Наконец лес закончился, и они вышли на широкую дорогу. Какой-то паренёк весело попрощался с путниками и скрылся в лесу. Сестра повернула голову к брату и не узнала его: перед ней стоял седой немощный старик с трясущимися руками, сгорбленной спиной и почти слепыми глазами. Но ей было не жалко брата, – быстрее идём к замку, – торопила она его. Медленно передвигая ноги и опираясь на палку, брат побрёл вслед за сестрой, которая шла впереди, даже не оглядываясь.

И вот, наконец, они пришли к заветному месту. Замок блистал своим великолепием: на остроконечных крышах сияли яркие звёзды, стены обвивали чудесные цветы, а в саду пели птицы и летали красивые бабочки. Брат залюбовался этой красотой, смотря полуслепыми глазами, но сестра, не обращая внимание на всё это великолепие, схватила его за руку и потащила в замок. Двери были открыты, словно волшебница ожидала прихода гостей.

– Вы зачем сюда явились и нарушили мой покой? —стро-

го спросила она.

– Пожалуйста, добрая волшебница, – взмолился брат, – спаси мою сестру, верни ей красоту и молодость.

– Хорошо, – ответила волшебница, – я сделаю, как ты просишь, но за это ты должен отдать свою жизнь.

– Я согласен, – прошептал брат, – забирай скорее мою жизнь, только пусть моя сестра станет такой, как прежде.

– А ты что скажешь? – обратилась волшебница к девушке-старушке.

– Быстрее сделай меня молодой и самой красивой, – закричала сестра, затопав ногами.

– Ты так ничего и не поняла, – грустно проговорила волшебница, – что ж, будь по-твоему, ты станешь самой красивой. Она взмахнула волшебной палочкой и, строго глядя на сестру, произнесла:

– Отныне и навсегда все будут называть тебя Луна. Ты будешь ночью освещать Землю, но не будет тепла от твоего света.

– А ты, – обратилась она к брату, – за твою доброту и верное сердце, будешь светить днём, дарить людям тепло, и все будут называть тебя Солнце. Вы будете сменять друг друга на небосводе, но никогда не встретитесь.

С тех пор так и повелось, что Луна светит ночью, но от её холодного света нет ни тепла, ни радости. Солнце днём освещает Землю, и от добрых солнечных лучей на Земле распускаются чудесные цветы, созревает урожай, и люди радуются

и смеются.

Вот так на Земле появились день и ночь.

/Татьяна Бобылёва/

«Зачем брожу я среди кварталов...»

Зачем брожу я среди кварталов,
Отыскивая кого-то, себе подобных.
Мимо тоннелей, мимо вокзалов,
Мимо скамеек в парке свободных.

Пришла ведь в мир я совсем одна.
Зачем же нужен тогда мне кто-то?
К тому, кому-то ведь холодна
Я буду. И мучать того, кого-то.

Мой мир устроен, он совершенен,
Но только так, как я хочу.
И для меня он вполне бесценен,
Он мне одной лишь по плечу

Глотками упиваюсь одиночеством,
Не захлебнусь, родные, нет!
Спасибо вам, конечно, же за общество,
Но я одна привыкшая встречать рассвет...

/Вероника Гусева/

Про любовь

– Мне нужно ещё пять минут.

– Мы опаздываем. Самолёт ждать не будет.

– Всего пять минут. Пожалуйста.

Я бережно прислоняю ладонь к стене и закрываю глаза.

Под пальцами подрагивают воспоминания...

Приятная шершавость под рукой. Мы долго спорили, какие обои выбрать: под кирпич, с геометрическими разводами или гладкие. Я совсем не помню, кто победил. Помню радость от совместной работы, приятную усталость и сочную ярко-красную мякоть арбуза, который мы ели, усевшись прямо на полу, закончив ремонт.

Иду дальше, легко проводя ладонью по стене.

Наш знаменитый Мартышкин угол. Пушистый серый котёнок, запущенный в новый дом, лихо взобрался по мягкому пеноплёну до самого потолка. Котёнка назвали Мартышкой, а угол с тех пор приманивал всех потомков нашей первой кошки.

Моя девичья спальня. Моя первая отдельная комната. Какое это было счастье! Здесь я пряталась ото всех и мечтала. Мягкие игрушки, много книг и альбомов. А здесь... в старой деревянной шкатулке хранился дневник и письма про любовь... от любимого...

Родительская спальня. Не вспоминать, только не вспо-

минать! Не удалось – непрошенные слёзы потоком льются из глаз, комок в горле не проглотить. Боль, на всю жизнь, навсегда...

Светлая большая комната – сюда мы принесли маленький комочек огромного счастья – дочку. Счастье обволакивает, убаюкивает, ласкает...

Он теперь часто вредничает. Ни с того, ни с сего гаснет котёл, начинает возмущённо скрипеть паркет, лопаются новые лампочки в старом светильнике. И я утешаю, успокаиваю, уговариваю. Он слушается. Чаще всего...

Я закрываю дверь на замок, спускаюсь по ступенькам, разворачиваюсь.

Низкий тебе поклон, мой родной, мой любимый. Моё место силы.

Мой ДОМ.

Я вернусь

/Лариса Агафонова/

Простые радости

Алёнка откинулась на тощую больничную подушку, от которой ощутимо пахло хлоркой, натянула до подбородка колючее одеяло и выдохнула:

– Хорошо-то как!

– Что здесь может быть хорошего? Ванны в палате нет, одна раковина, а купаться извольте в общем душе в коридоре. Мутная жидкость, не иначе, как суп из табуретки, котлеты, скорей всего, из туалетной бумаги с луком. Компот из сухофруктов, который испортить невозможно, и тот несёт половой тряпкой. И это они называют обедом! – полная дама в вельветовом домашнем костюме скривилась и брезгливо поджала губы.

– А мне девчонки пижаму принесли, – невпопад ответила Алёнка. – Как замечательно!

– Пижаму? И что замечательного в пижаме? Это вообще не комильфо — среди бела дня обряжаться в пижаму. Больница – не повод распускаться, – пожалала плечами дама, раскладывая пожитки в покосившуюся трёхногую тумбочку.

– А ещё мне передали тёплые носки, их мама вязала из шерсти нашей козы Марфы, – продолжала радоваться Алёнка, высунув из-под одеяла ногу в толстенном пуховом носке. – Я теплолюбивая, всё время мёрзну, а теперь совсем-совсем согрелась, – прижмурилась она от удоволь-

ствия.

– Ты откуда взялась, блаженная?

– Из реанимации, – смущённо улыбнулась Алёнка. – Меня по скорой прямо с лекции по истории привезли, с перитонитом. Прооперировали и пять дней держали в реанимации. Думали, не выживу. А я оклемалась. У нас вся родня живучая. Знаете? – она приподнялась на локте. – Ко мне девочек не пускали. Я, когда в себя после операции пришла, стала медсестру просить, чтобы хоть на минуточку, хоть одним глазком. К дядьке, что напротив лежал, два раза посетителей пускали, а ко мне – нет. Так она мне шёпотом сказала, – у Алёнки разом наполнились ужасом глаза, – что пускают только к тем, кто безнадежен. Представляете? Я больше и не заикалась о подружках. А сюда можно приходиться всем-всем, – она опустила голову на подушку, закрыла глаза, и на лице её, как солнечный лучик, засветилась улыбка самого счастливого человека на земле.

/Лариса Агафонова/

Невозвращенец

Степаныч плакал. Крупные слёзы катились по морщинистому лицу, застревая в складках прожитых лет. Пушистые седые усы, гордость старика, промокли и перестали бодро торчать вверх.

Вообще-то Степаныч был оптимистом. Самым настоящим, хорошо закалённым, как сталь на заводе, где Степаныч отработал без малого сорок лет. Как пришёл после армии безусым помощником сталевара, так и остался, выйдя на пенсию ведущим инженером.

Пенсия. Лучше б она не случилась в жизни Степаныча. Да что уж говорить. Тогда, восемнадцать лет назад, Степаныч, как примерный пони, бодро побежал за женой и дочками на историческую родину супруги, в неметчину, будь она неладна. Неметчина, а не любимая вторая половина, конечно.

Будь не любимая, вряд ли б он тогда рискнул. А так, жена загорелась, на родственников глядя. Они, как только разрешили, косяком потянулись в поисках лучшей жизни. А чего её было искать, коли и тут неплохо кормили?

Жена-то Степаныча по молодости и думать не думала уезжать, жила себе припеваючи у Степаныча за пазухой. Он и добытчик, и рукастый, и детей любил. И старался опять же супруге угодить. Она ведь девчонкой за него, за вдовца,

замуж вышла. Ему тридцать пять, ей двадцать два, только-только институт свой педагогический окончила.

Достался ей Степаныч с шебутным сыном-подростком, намечающейся лысиной и комнатой в малосемейке. Ах да, ещё с пышными усами, на которые, как супруга всегда уточняла, она и клюнула. Это уж потом, когда две дочки у них родились, им от завода квартиру трёхкомнатную дали, большую, с лоджией и чудесным видом в парк.

Жили, что называется, не тужили. Были, конечно, сложности, ну как у всех в то время. Но ведь разрешимые да преодолимые. «Вот, – думал Степаныч, – выйду на заслуженную пенсию, буду на рыбалку ездить, да за грибами ходить». Родственников-то у него много было: большинство в деревнях да сёлах страны нашей необъятной. К одним поедешь – лес рядом, к другим – речка под боком. Красота, а не жизнь.

Только вот фортуна такой фортель выкинула, что ни тебе рыбалки, ни тебе грибов.

И вот уже восемнадцать лет жил Степаныч на чужой стороншке, среди истинных арийцев, ничегошеньки не понимая из их неласковой, немелодичной речи. Языки ему и в школе не давались, а в старости и подавно. Жена сама с детства активно шпрехала, потом в школе немецкий детям в юные головушки вдальбивала и дочек научила. А он, как белая ворона, только на русском и объяснялся. Несколько расхожих бытовых фраз не в счёт.

Пока обживались на новом месте, дочки рядом были, хоть

с ними душу отводил, а как замуж повыходили за немцев коренных и съехали от родителей, так вообще – хоть караул кричи. Только с женой и поговоришь на родимом русском. Внуки родились немецкие и душой, и языком. По-русски понимают плохо, а говорить и вовсе отказываются.

Одна отдушина: летом Степаныч каждый год на два месяца в Россию уезжал, к родственникам погостить да друзей повидать, что остались ещё в живых. А что, никто ведь не молодеет. Вот уж где раздолье – говори, не хочу, и не надо за карманным словарём лезть, чтобы хлеб да масло купить.

Сын старший отцу всегда рад. И внучки уже хоть взрослые, а к деду со всей любовью. Невестка к его приезду холодца наварит, селёдочку под шубой приготовит. Знает, чем свёкру угодить. Душой с ними Степаныч отогреется и снова в неметчину. Домой, стало быть...

Жена за все годы один раз с ним съездить согласилась. С опаской да с осторожностью, а вдруг потянет, вдруг сердце встрепенётся. Пронесло, не потянуло и не встрепенулось. Ну и ладно. Каждому своё.

В этот год Степаныч приехал по скорбному поводу. Сестра младшая умерла. Болезнь её изнутри подточила, силы отобрала, вот и ушла рано. Семидесяти ещё не было. На похороны Степаныч не попал: дорого лететь. Обычно-то он сильно заранее билеты брал, почти за копейки летал. А тут как раз Новый год был, ажиотаж праздничный, цены до небес.

Прилетел, как обычно, летом. Поехал в посёлок, где сестра жила, да и узнал, что дом по завещанию ему, Степанычу стало быть, достался. Сестра бездетной прожила, мужа схоронила, вот и оставила своё имуществу любимому брату.

«Да зачем он мне, дом этот? – недоумевал Степаныч. – Продавать его – мороки больше, чем прибыли. Посёлок непрестижный, город далеко, молодёжь после школы уезжает. И то верно, что в сельской местности делать? Скука, да и только. А запереть дом – всё равно, что бросить. Разберут по кирпичикам, растащат по железякам. И родственникам никому не нужен, разве что сыну как дача. Место ведь хорошее, река рядом, воздух чистый, не чета городскому. Да за дачей ведь тоже пригляд нужен. А кто будет приглядывать? То-то и оно».

Вышел Степаныч во двор, присел на лавочку, по-деревенски добротную, оглядел наследство своё неожиданное: ставни резные, мужем сестры сделанные (тот мастер по дереву был знатный), ворота кованые, с шашечками поверху. Двор цветами полыхает: сестра столько всего понасажала – глаз радуется. Не то, что в неметчине: все дома одинаковые, в неброский цвет выкрашенные, заборы невысокие, палисадники ровненькие. Тьфу на эту однотипность.

«Что ж я со своей жизнью сделал? – вспыхнула мысль. – Ради чего вот эту красоту променял на их упорядоченность и квадратность? И на кладбище вместо могилы и оградки металлическая табличка будет в колумбарии...»

Заплакал Степаныч навзрыд. Что уж он оплакивал: себя, старость свою немецкую, слабость свою или мягкость, никому не ведомо...

Только на следующий день Степаныч жене позвонил и сказал, что остаётся. На родине. Навсегда. Так он решил.

«Ты, если хочешь, приезжай ко мне. Здесь хорошо, спокойно. А, главное, всё своё, родное. И помирать здесь не страшно».

Приедет? Кто знает...

/Лариса Агафонова/

Весеннее обострение

Весна пришла, солнышко засияло. Весело чирикающие воробьи стали купаться в лужах. А тут и почки распустились. У начинающего пенсионера Сергея Львовича. Сергей Львович терпел, терпел и все же позвонил своему участковому врачу.

Она, немолодая уже, пришла в сырых ботах, сердитая и тяжело дышащая. Послушала, простучала Сергея Львовича и сказала:

– У вас весеннее обострение. Не смертельно, но я бы посоветовала сходить на консультацию к нефрологу.

И Сергей Львович пошел. Отстоял очередь в регистратуре, получил талончик и сел на лавку под дверью кабинета нефролога. На табличке значилось, что прием ведет врач Мошкина Н. Е. «Новенькая какая-то», – отметил про себя Сергей Львович.

Попасть к этой самой Н.Е. также хотели еще несколько человек. Сергей Львович терпеливо дожидался своей очереди. Наконец пригласили и его. Сергей Львович тяжело поднялся и прошел в кабинет. За столом что-то быстро-быстро писала врач, Мошкина Н. Е.

Она тоже была уже немолодой. Но такая аккуратненькая, такая приятная на лицо и с такой статной осанкой, которая угадывалась в ней, даже сидящей, что Сергей Львович тут же

принял боевую стойку. А когда Мошкина Н. Е. оторвалась от бумаг и подняла на него совсем еще молодые, ярко-синие глаза, сердце у Сергея Львовича дрогнуло и забилось учащенно.

Врач была похожа на неприступную красавицу Ниночку Ершову, в которую в свое время была влюблена вся мальчишеская половина их класса. И еще добрая половина пацанов из параллельного. Но больше всех влюбленным в Ниночку был Сережка Бурцев.

Однако, как это часто бывает, её выбор пал совсем не на него, и вообще ни на кого из их школы. Жениха Ниночке подыскали ее родители – сыночка какого-то большого начальника. Она вышла замуж уехала из их маленького городка в областной центр, где, говорили, выучилась на врача.

Сергей же страдал недолго и скоро влюбился в другую девочку, свою однокурсницу. На ней он и женился, когда они уже заканчивали строительный техникум. Потом развелся, еще раз женился, неожиданно овдовел и больше уже не испытывал судьбу, а предпочел жить один.

Год назад Сергей Львович, дослужившись до начальника СМУ, ушел на пенсию. Конечно, женщины в этой его холостой жизни все еще присутствовали, но все реже и реже. Либи́до Сергея Львовича вполне закономерно стало ослабевать под грузом прожитых лет и настырно подступающих хворей. А тут, при виде молодой женщины, так похожей на Ниночку Ершову, это самое либи́до встрепенулось и живо на-

помнило о себе.

– На что жалуетесь? – спросила Сергея Львовича Мошкина Н. Е. мелодичным голосом. И кровь бросилась в лицо Сергея Львовича: это был ее голос, Ниночки Ершовой!

– Нина, ты что, не узнаешь меня? – севшим от волнения голосом спросил он.

– А кто вы? – с любопытством сказала Нина Егоровна, внимательно вглядываясь в лицо Сергея Львовича. – Погодите, погодите... Это ты, Андрей? Нет? Значит, Игорешка? Тоже нет.

– Это я, Сережка Бурцев! – печально сказал Сергей Львович.

– Боже мой, Сережка! – Нина Егоровна всплеснула руками. – Ну да, Сережка! Какой ты стал солидный. То-то я тебя не узнала. Ну, что ты, как ты? Болееешь, что ли?

– Да что ты, Нина! Просто... Просто я случайно узнал, что ты вернулась в наш городок и работаешь в больнице, – соврал Сергей Львович. – Дай, думаю, навещу, проверю. Как семья, как муж?

– Да я уже лет пятнадцать как одна. Не спрашивай, почему. Увы, уже пенсионерка. Два года как вернулась в наш городок. Но дома не сидится, а в больнице как раз врачей не хватает. Вот и работаю еще. Давай я тебя все же послушаю. Весна же, пора обострений. Вон как у тебя лицо пылает. Давай давление померю.

– Да я и так знаю, Ниночка, что оно у меня скакнуло.

А еще у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Какое счастье, что я тебя увидел! А помнишь, что я тебе написал в записке в шестом классе? А в восьмом – портрет твой нарисовал. Правда, он тебе почему-то не понравился...

– А как я в девятом от тебя бегала? – подхватила оживившаяся и тоже вся раскрасневшаяся Нина Егоровна. – Как же ты мне тогда надоел, Бурцев, со своими ухаживаниями! Да и сейчас... Ну, что ты на меня так смотришь, Сережка? Я ведь уже старуха!

– Кто? Ты?! – почти закричал Сергей Львович. – Да ты как была для меня самой красивой девчонкой не только нашей школы, но и всей планеты, так ею осталась!

– Это правда? – Нина Егоровна вновь подняла на Сергея Львовича свои лучистые глаза. – Врешь ведь, Сережка... Ну ладно, раз ты у меня здоровый, выйди в коридор, и подожди, я уже заканчиваю прием. Посидим где-нибудь, поговорим.

– Можно – у меня дома, Ниночка? Я тут недалеко живу... тоже, кстати, один. И у меня такой гуляш есть, сам вчера приготовил!

– А приставать не будешь, как в десятом классе? – лукаво спросила Нина Егоровна, кокетливо поправляя выбившийся из-под белой шапочки локон.

– Да ну, что ты, как можно! – неуверенно сказал, выходя из кабинета, Сергей Львович.

А уже в коридоре решил: еще как можно! И даже нужно. Уж сейчас-то он своего счастья не упустит. Ну, а случись че-

ГО – личный врач вот он, под боком!

/Марат Валеев/

«Люблю тебя. Коротенькая строчка...»

Люблю тебя. Коротенькая строчка.
Но говорят её уж сколько поколений...
Над ней не властна времени цепочка,
Ни гром побед, ни горечь поражений.

Люблю тебя. Короткие два слова.
Пришёл и наш черёд любимым повторить,
И что за них мы всё отдать готовы,
И что для них готовы чудо совершить...

Готовы ли? Пройдя все испытанья,
Не разорвав невидимую нить,
Согласно своим собственным признаньям
Мы истинные чувства сохранить?

Бывает, как у предержавших власти,
Слова у нас расходятся с делами,
И, утоляя низменные страсти,
Любовь мы попираем сапогами.

Она прощает многое, но это
Однажды может нам и не простить,
И следует её как сто секретов,

Как высшее сокровище хранить.

Об этом лишь весной мы вспоминаем
И дарим восьмимартовский букет,
И только сутки наши клятвы выполняем,
И всё. Так не должно быть, нет.

Не превратив признанья в пустословье,
Мгновенье, час и долгие года
Их следует доказывать любовью,
Чтобы она у нас осталась навсегда.

/Роман Романов/

сентябрь 1998 года

Только ты

Ты в самых запретных желаниях,
В моих запредельных мечтах,
Ты в лучших судьбы предсказаниях
И в незабываемых снах.

Ты самое тайное знание,
Что мне до конца не познать,
Ты тот лабиринт мироздания,
Где вечно придётся блуждать.

Наркотик ты мой и лекарство,
И смысл бытия моего,
В тебе доброта и коварство,
И первооснова всего.

Ты снег, что в руках моих тает,
Цветок, что под снегом не скрыть;
В воде лепестки распускает,
Красивым всегда ему быть.

Ты мера всего и безмерье,
Чарующий джаз ты и рок,
Ты вера моя и безверье,
И жизни моей ты пророк.

Невинность в себе воплощаешь,
И бурных страстей океан,
Собою мне путь освещаешь,
Иду по нему сквозь туман.

/Роман Романов/

март 1999 года

Сайт книги https://ridero.ru/books/lokhmatoe_dvoryanstvo/

«Он немало врагов нанизал на копьё...»

Он немало врагов нанизал на копьё,
Но познал бесполезность баталий.
Она принца ждала, но однажды её
Оглушила жестокость реалий.

На площади Случая он и она
Повстречались (быть может, банальность?).
Но зиму тотчас же сменила весна,
А реальность ушла в нереальность.

Согласье Небес получили они
И пошли по проспекту Влюблённых,
Узнавая теперь, в свои лучшие дни,
Мудрость жизни, к любви устремлённой.

Но любовь просто так невозможно познать,
Она дальше границ мирозданья,
По аллее Любви те лишь могут ступать,
Кто, не сдавшись, прошёл испытанья.

Испытание первое – Время несёт,
Проверяя не ради забавы,
И на вопросы ответы даёт:

Готов ли, имеешь ли право?

И если готов и имеешь права —
Проверка вторым испытанием:
Повержена будет иль будет жива
Любовь твоя с Смертью в свиданье.

Когда два испытания сумели пройти
И готовы к другим испытаниям —
По аллее Любви теперь можно идти,
Вам дано в жизни высшее знание.

/Роман Романов/

октябрь 1999 года

Он был обыкновенный врач...

Он был обыкновенный врач,
Каких все выпускают институты,
И в череде побед и неудач
Летели бытия его минуты.

С собой пойти на сделку не посмел,
Хотя была низка его зарплата;
Он просто делал дело, как умел,
Не изменяя клятве Гиппократа.

Меж тем, ведя незримую войну
С подругой и ровесницею войн,
Он пребывавших у неё в плену
Освобождал. Был мрачен и спокоен...

Но вот в потоке мирных новостей
Другие стали появляться вести:
О драках, взрывах, гибели людей,
Что сотни лет доселе жили вместе.

И тот, который прежде в нём дремал
(Он не был эгоистом, не был жаден),
Проснулся и отчётливо сказал:
«Пошли, покос ведь будет беспощаден!

Здесь трудно, ну а там ещё трудней,
И у костлявой там коса острее,
Там даже боли кажутся больней,
А до врат Ада путь куда быстрее».

Собрав медикаменты, инвентарь,
Отправился он по местам сражений,
Чтобы продолжить начатую встарь
Другую битву сотен поколений.

Стал скальпель хирургический мечом,
Встав на пути смертельного металла;
В раздумье Провиденье вековым
На этот бой с Небес своих взирало.

Вот парень. Ему нет и двадцати,
Недавно школа – двойки и пятёрки,
Идти ему по жизни и идти...
...Но замер тут прицел на гимнастёрке.

Направленная дьявольской рукой
Винтовка снайпера приступит к делу.
Курок нажат – и быстрою стрелой
Свинец вонзился человеку в тело.

Но тело сдюжило, и дух помог
А врач вступил в сражение иное.
Минуты шли. Смертельный диалог

Приобретал звучанье роковое:

«Он мой! Ведь всё равно ему не жить!»

«Его ты не получишь, прочь отсюда!»

Ушла Смерть, обещая отомстить,

Грозя косою сверкающей Оттуда.

В другой раз удалось ей взять своё,

И был бессилён сделать он хоть что-то,

Но, поглядев спокойно на неё,

Упрямо продолжал свою работу.

Так год прошёл, возможно, что и два,

Здесь время не несло своё значенье.

Сдержала Смерть таки свои слова,

Внеся врача в убитых пополненье.

Товарищей прикрыл когда отход,

Отдал он все долги свои с лихвою,

Спасая жизни ненадёжный плот,

(Удел его – ненастье вековое).

А скальпель, что из рук врача упал,

Подобран будет, в этом нет сомненья,

Чтоб сокрушить заточенный металл,

Чтобы продолжить вечное сраженье.

/Роман Романов/

ноябрь 1999 года

Любимой на Новый год

Пророк, ясновидец нам всё обещают
Крушение жизни земной...
Глупцы! Они, видимо, просто не знают,
Что рано ещё на покой.

Сознавая, что, может, стоим на пороге,
Мы всё ж продолжаем идти,
Познавать, что есть Жизнь, что есть Смерть, и в итоге
Дорогу Любви обрести.

Так живёшь ты. Остаёшься, как прежде,
Красива, прелестна, умна,
Людям даришь улыбку, а миру надежду:
Ему далеко до темна.

Есть та, что венчает собой мирозданье,
Такой и всегда тебе быть,
Есть ты – и у Бога возникнет желанье
Вселенский финал отменить.

/Роман Романов/

декабрь 1999 года

Расставание

Вновь на войну ему отправляться,
Война ведь – мужчин ремесло.
Не могло быть иначе – им надо расстаться.
Мужчине судьбой предназначено драться,
Возможно, Вселенной назло.

Последняя ночь – извержение страсти,
И жаркой любви апогей,
И утро. За окнами бродит ненастье.
Два сердца остались далёко от счастья,
Сердца двух достойных людей.

Вокзал. Как гранит, их объятия были.
(Их душам досталось любить!)
Все события жизни пред ними проплыли
В мгновенье, что пальцы по пальцам скользили,
Грядущее сияясь забыть.

«Вернусь», – слово эхо Вселенной вернуло
И вёрсты, и дни перекрыв...
...Оживший состав со скрипом качнуло,
Ладонь из ладони неслышно скользнула,
На взмахе прощальном застыв...

/Роман Романов/

Возвращение

Этот поезд такой же обычный,
Как десятки других поездов;
Под ним рельсы летели привычно,
Стук колёс, как всегда, безразличный,
Проносились опоры мостов.

За окном – поля и дороги...
...Он всё думал о том, как удача
Смерть пыталась сдержать на пороге,
Там, где были ослепшие боги,
А снайперы – слишком зрячи.

Прощальный кивок проводнице.
(Все куда-то бегут, суетятся.)
И этот перрон, как граница,
Где ему со своею частицей
Так давно приходилось расстаться.

Меж тем на вокзале смеркалось...
Он в толпе её начал искать,
Ту, кто дочерью Неба являлась,
Чья душа в его душу влеталась,
Ту, насквозь уставшую ждать.

И вот... Этот взгляд! Во Вселенной
Не отыщешь другого такого.
В нём любовь своей силой нетленной
И нежность прибрежную пеной
Он увидел, почувствовал снова.

Так уже было под Грозным,
Где колонна попала в засаду.
Этот взгляд был пред ним днём морозным,
Запрещал говорить слово «поздно»
И тогда, когда шаг был до ада.

А теперь с ним обнявшись, стояла
Среди привокзальной пыли.
«Ты вернулся...», – она прошептала,
Слеза счастья с ресницы упала,
Его донеся до Земли...

/Роман Романов/

февраль 2000 года

Я приду к тебе

Я приду к тебе ветром прибрежным
У границ сентября с октябрём,
Взобью локон волос твоих нежных,
Поцелую, пока мы вдвоём.

Я встречаю тебя на рассвете,
Где – неважно, неважно – когда,
Только знай, что подует лишь ветер —
Этим ветром с тобой я всегда.

Я приду к тебе первой снежинкой,
Распечатавшей зимний запас,
Упаду невесомою льдинкой
На ресницы задумчивых глаз.

Ты на небо, взглянув, улыбнёшься,
Душа вздрогнет, отбросив покой,
Только помни: со мной остаёшься,
В той снежинке всегда я с тобой.

И в предвестнице месяцев грешных,
В засверкавшей хрустали дождя,
Что весну приближает успешно,
Вновь к тебе приходить буду я.

Капли чистые в лето проводят,
С лица смоят печаль и тоску,
Только верь: всё плохое уходит,
Этот дождь для тебя берегу.

А когда тёплым лучиком солнца
(Всем осадкам он строгий судья)
Постучусь в твоей спальни оконце,
Ты поймёшь, наконец, кто же я.

Воплощаясь в небесные траты,
Будь то солнце, дожди или град,
Я приду к тебе, где б ни была ты,
Для любви ведь не сделать преград.

/Роман Романов/

март 2000 года

«Прохладным ветром я летаю в вышине...»

Прохладным ветром я летаю в вышине,
А в знойный полдень – лучший из подарков
Лечу – и, как всегда, приятно мне
Сменить течение погоды жаркой.

Собою я тебя обволоку,
Как индианку – восхитительное сари,
Прохладу дам (у вечности в долгу),
А ты улыбкою меня одаришь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.